

Уважаемый господин Посол!

Удостоив меня этой высокой награды, президент Российской Федерации оказал мне большую честь.

Согласившись вручить мне ее от его имени в этот праздничный вечер в Вашей великолепной резиденции, в присутствии стольких моих друзей, пришедших сюда по Вашему любезному приглашению, Вы торжественно и вместе с тем сердечно выразили уважение к моим чувствам, которые так давно связывают меня с вашей страной, с ее культурой, с ее художественными учреждениями и прежде всего с теми, кто ими руководит.

Поэтому я хотел бы начать со слов глубокой благодарности, которую я прошу Вас передать тем, кто счел меня достойным фигурировать в престижном списке моих предшественников, награжденных орденом Дружбы.

Это слова признательности в Ваш адрес, господин Посол, за эти драгоценные мгновения. Они сродни тем, что я пережил здесь, в Париже, а также в Москве и Санкт-Петербурге, бывшем Ленинграде, благодаря Вашим соотечественникам, многие из которых стали для меня дорогими друзьями.

И действительно, сколько я себя помню, Россия всегда, с самого детства присутствовала в моем воображении благодаря всем тем, кто сумел оживить ее для меня. Я вспоминаю о своей матери, читавшей нам с сестрой приключения доброго генерала Дуракина, и по-прежнему слышу музыку имен и названий, казавшихся тогда экзотическими - Громилиин, Смоленск...

Еще до Толстого, Лермонтова, Тургенева и Гоголя графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина – именно так подписывала она свои очаровательные детские книги – пробудила во мне любопытство и желание больше узнать о России. И тогда, следуя суровому приказу, отданному Михаилу Строгову, – кстати, Жюль Верн тоже стоял у истоков моего интереса к России, – я начал смотреть «во все глаза» на вашу прекрасную страну.

Но я не только смотрел на нее: если можно так выразиться, я еще и слушал «во все уши». Мне повезло: в Лозанне, где я вырос под присмотром своих учителей (некоторые из них были наставниками при российском Императорском дворе), мне выпал шанс открыть для себя шедевры вашего музыкального наследия в исполнении оркестра под управлением великого Эрнеста Ансерме, любимого дирижера Дягилева и друга Стравинского. От Даргомыжского до Прокофьева, от Чайковского до Стравинского – сколько ослепительных озарений, сколько моментов чистого счастья!

А затем, 6 июня 1953 года, произошло иное, глубокое, решающее потрясение. Наш преподаватель литературы вошел в класс и без какого-либо вступления начал читать: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра». Это была «Пиковая дама» в переводе Мериме. Так наш учитель предложил нам отметить день рождения Пушкина - в противовес или скорее в качестве противоядия от недавно умершего Сталина. Какое окно он распахнул для нас, дорогой наш Андре Ге! Окно, которому для меня уже никогда не суждено было закрыться.

Итак, эта Дружба, почетный знак которой я ношу теперь, началась для меня с ряда потрясений, причем некоторые из них были менее... скажем так, заманчивы, чем предыдущее. Я залпом проглотил книгу Кравченко и взволнованно следил за процессом, который он начал во Франции. Он явил нам образ иной реальности, от которой мы не могли отмахнуться, несмотря на добровольное ослепление определенных кругов французской интеллигенции, задолго до появления ошеломляющих шедевров Солженицына.

Мне повезло еще и потому, что ни из моей памяти, ни главное - из моего сердца уже никогда не исчезнет великий Пушкин и его «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Пиковая дама», без которых я не был бы тем, чем стал.

Однако Дружба в большей степени, чем влюбленность, строится, закрепляется, принимает определенные формы. Мне повезло еще и потому, что мне довелось знать и любить Эдгара Фора, выдающегося знатока России, ее языка и ее истории, а также работать с ним, моим первым патроном. Он читал в оригинале Пушкина, да и Ленина тоже; на Женевской конференции 1955 г., представляя Францию в качестве премьер-министра, он не нуждался в переводчике, чтобы беседовать с Хрущевым или маршалом Булганиным.

Его пронизательные суждения и рассказы о разных встречах дополнили мое представление о российской политике того времени, а также, что более существенно, о том, что принято называть «русской душой».

Я решил удивить его: однажды, когда мы летели в Рим, где он в качестве министра сельского хозяйства в правительстве генерала де Голля должен был председательствовать на Конференции ФАО, я попросил нашу дорогую Женю Флавицкую, его референта по русскому языку, научить меня всего четырьмя словами. И вот уже в аэропорту Чьямпино я отчеканил ему с предельным апломбом: «Господин председатель! Все дороги ведут в Рим!». Он посмотрел на меня и сказал: «А, так вы и по-русски говорите, это вам пригодится!». Мне следовало бы прислушаться к его словам и выучить ваш замечательный язык, на котором... я умею лишь петь, весьма скверно подражая сегодняшним Шаляпиным, если таковые вообще существуют!

Да, это весьма бы мне пригодилось, когда я сразу после своего назначения генеральным секретарем Объединения национальных музыкальных театров должен был в ноябре 1969 года приветствовать во Дворце Гарнье труппу Большого театра. Это было моей первой миссией. В рамках политики примирения по желанию генерала де Голля и Леонида Брежнева самый престижный русский музыкальный театр покорила Париж... Все было как в 1815 году, только мирно: в течение шести недель 450 самых доблестных музыкантов, хористов, певцов, и дирижеров Советской России, словно переключаясь с былыми триумфами Русского балета Сергея Дягилева, разворачивали перед французской публикой свои самые красочные полотна: «Борис», «Игорь», «Хованщина», «Онегин», наконец, моя любимая «Пиковая дама»!

Великолепие этих вечеров оставило в моей памяти глубокий след: как можно забыть молодую Галину Вишневскую, Тамару Милашкину, Владимира Атлантова, Юрия Мазурока, Валентину Левко, самую потрясающую из графинь в «Пиковой даме», да и молодого Ростроповича за дирижерским пультом, и этот хор, его неповторимый колорит. Власти уже тогда почуяли неблагонадежность Славы, и его допускали дирижировать только вторыми спектаклями, тогда как премьерные были

предназначены для более правоверных мастеров – таких, как знаменитый Борис Хайкин.

Все шло замечательно. Один триумф следовал за другим. Наш на тот момент недавно избранный президент Жорж Помпиду со своей супругой, уважаемой Клод, в сопровождении своего близкого друга Мишеля Ги присутствовали на спектаклях без особого протокола, как обычные зрители. Госпожа Фурцева, министр культуры СССР, великолепная тигрица, пережившая сталинскую эпоху, представляла свою труппу Марии Калласс. Я чувствовал себя на седьмом небе!

Генеральным директором Большого театра был тогда замечательный композитор Михаил Чулаки. Мне выпала честь сообщить ему, что наши техники и рабочие сцены, все члены профсоюза, как и положено, решили угостить его фирменным французским блюдом – настоящей забастовкой! В принципе, он о подобном явлении слышал, но вот на практике ...

Сидя за роялем, в том самом кабинете, который намного позже стал моим, он, не растерявшись, сказал мне: вы хотите познакомить меня с одним из ваших фирменных блюд, тогда позвольте мне сыграть вам одно из наших. Это был последний шедевр Чайковского – «Иоланта». Эти два часа (а забастовка продолжалась двое суток) я вспоминаю как самые чудесные за все время моего пребывания в Опере – а их теперь и не счесть... Сколько раз – как в Опера Гарнье, так и в Опера Бастий - в похожих обстоятельствах я сожалел, что не могу сыграть вальс из «Фауста», интермеццо из «Кармен» или похоронный марш...

В 1972 году контакты между Большим театром и парижской Гранд-опера стали систематическими. Мы принимали его балетную труппу во главе с ее руководителем, выдающимся хореографом Юрием Григоровичем. Помимо его постановки «Лебединого озера» с Майей Плисецкой, публика – а некоторые специально для этого приехали в Париж из Австралии! – аплодировала таким незабываемым спектаклям, как «Спартак» с Владимиром Васильевым, Марисом Лиепой и Катей Максимовой или «Жизель», в которой блистала бесподобная Наталья Бессмертнова.

Юрий, именно тогда началось наше сотрудничество, началась наша дружба. Именно там следует искать истоки таких балетов, как «Ромео и Джульетта», который Вы поставили с нашей труппой, или «Иван Грозный», восстановленный для балета Оперы и триумфально прошедший сначала во Дворце Гарнье, а затем в Квадратном дворе Лувра, которым я тогда занимался.

Вы прекрасно понимаете, господин Посол, что эта дружба, возникшая по инициативе государственных деятелей, принесла плоды и укрепилась благодаря доверительным отношениям, которые сложились между людьми: разумеется, между артистами и творческими работниками, но и между такими, как я, чья задача заключается в том, чтобы сделать возможным подобный обмен как на самом высоком, так и на самом скромном уровне.

Когда французское правительство в 1995 году вверило мне Парижскую национальную оперу, я, вполне естественно, захотел возобновить исторические связи с вашей страной и прежде всего с Большим театром.

Мы смогли достичь успеха во многом благодаря дружбе и доверию, которые очень быстро возникли между нами и новыми руководителями российской культурной жизни. Уже не было Фурцевой с ее рассчитанными вспышками гнева, не было

Демичева и его стратегий, продиктованных идеологией, в которую он сам уже не верил. Вместо них был Михаил Швыдкой, гуманист, отважный и дальновидный министр культуры, пользующийся огромной популярностью у себя на родине, но далекий от какой бы то ни было демагогии.

Спасибо вам, дорогой Миша, за то, что вы стали для меня другом, за то, что вы, вероятно, подсказали, кому следует, мысль наградить меня этим почетным орденом.

После постоянно сменявших друг друга директоров (впрочем, у нас в Парижской опере наблюдалось то же самое), Большой театр вот уже почти двенадцать лет возглавляет Анатолий Геннадиевич Иксанов – человек исключительного ума и выдающихся организаторских способностей, дипломат и политик, человек незаурядной смелости. Анатолий Геннадиевич, находясь у руля этого театра, где я чувствую себя почти как дома (если вы не имеете ничего против), вы с успехом выполняете на редкость трудную задачу. Вам удалось, не изменяя двухсотлетним традициям этого театра, преобразовать и перестроить его, вы восстановили славу Большого и сделали все, чтобы он снова стал предметом гордости для вашего народа и для всей мировой музыкальной общественности. Вы – верный партнер, ценный друг, и мне трудно даже выразить, насколько меня трогает ваше присутствие здесь в этот вечер в сопровождении вашей ближайшей помощницы, замечательной Кати Новиковой. Президент Французской Республики Николя Саркози, вручая вам недавно Большой крест Кавалера ордена Почетного легиона, отдал вам дань уважения как другу Франции.

Присутствие в Вашем салоне, господин Посол, стольких важнейших участников административной и дипломатической жизни напоминает мне, что без их содействия ничего подобного не произошло бы. Ничего не осуществилось бы без помощи выдающихся послов Франции в Москве. Я упомяну лишь тех, кто часто принимал меня: прежде всего это г-н Жак Вимон, блистательный Брюно де Лёсс де Сион со своей уважаемой супругой Мари-Верой и, наконец, мои неизменные друзья, с которыми я познакомился еще в аудиториях Парижского института политических исследований и вновь обрел уже в Москве, во времена четы де Лёсс, когда Пьер Морель был первым советником. Впоследствии они стали официальными послами – я употребляю множественное число, ибо Ольга, супруга Пьера – сама министр-советник, во многом способствовала успеху его миссии в Москве, а затем в Пекине.

Здесь, в Париже, в этой резиденции, являющейся уголком России, позвольте мне, господин Посол, почтить память вашего далекого предшественника г-на Червоненко, чья задача не всегда было легкой. Но, несмотря на протокольную сдержанность, обязывающую как его, так и меня, он сумел сделать возможным осуществление ряда проектов по культурному обмену, продолжение которых мы наблюдаем сегодня. Он знал, что я завязал в Москве доверительные отношения с Владимиром Поповым, заместителем министра культуры и его правой рукой по международным делам, г-жой Аллой Бутровой, очень достойной дамой.

Господин Посол, я несколько многословен, наверное, даже слишком, но вы, надеюсь, мне это простите, ведь для меня дружба, которой посвящен этот вечер, – не просто громкое слово. Я хотел бы и теперь продолжать работать и укреплять эти связи, созданию которых я способствовал в меру своих скромных возможностей.

В своей знаменитой поэме «Проза о Транссибирском экспрессе» Блез Сандрар без конца повторяет один и тот же рефрен: «Блез, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?» Но я знаю, что благодаря вам всем и Дружбе, освященной в этот вечер вашим присутствием, никому не пришло бы в голову сказать или подумать даже в шутку: «Юг, скажи, мы с тобой далеко от Москвы?!»